

РАДУЖНЫЕ СТЕКЛЯШКИ

РЕПОРТАЖ ОБ ОДНОМ ДНЕ ТЕАТРА

10 ЧАСОВ утра. Вестибюль ТЮЗа. Здесь не бывает зрителей — это служебный вход. Отсюда начинается та пленительная, закрытая для постороннего взгляда жизнь, где рождается праздник. Каков же он, рабочий день театра?

— Сцена ввязу вперед. Зрительный зал, в проходе которого режиссерский стол с пещеркой для лампы, не освещен. Сцена нежно-фиолетовая. И станок, и декорация, в костюмы актеров.

— Зиновий Яновлеви! Проклад машины будет! — кричат откуда-то снизу.

— Начали. Медленно, мрачно выезжает на авансцену красивый трехколесный велосипед с сиденьем. За ним идет человек в черном котелке, черном плаще. Машина-велосипед останавливается. Водитель поднимает голову, смотрит в зал.

— Год и один день, год и один день жду я письма...

— Стоп!
— Ты же любишь ее смертельно! — несет микрофон на сцену. — Жизнь твоя только в этой! А говоришь одними губами. Начали снова!

— Год и один день... Идет дептиция спектакля «Волшебное стекляшко» по пьесе Ка-

рла Чапека. Веселая и чуть грустная притча о добре, о счастье, о доблести и дружбе... Спектакль вот шел восемь лет назад. И вот теперь он восстанавливается. Вводятся новые исполнители. И идея уже просто возобновлять спектакль «одна к одному». За восемь лет изменились требования зрителя, и театру надо учитывать движение времени.

— Лева, води репетицию. — тихоно говорит Зиновий Яновлеви Корогодский, главный режиссер театра, своему помощнику, который помогает ему сегодня. — Мы скоро вернемся.

Поднимаемся на пятый этаж. Узенькая лестница, огнибающая колесоцед лифта, металлический шагбаум и... Вдруг над головой закачалась цветные изящные фонарики. Здесь со временем будет экспериментальный театр. А пока это вотчина студийцев ТЮЗр. Они сами оформляют свое помещение, создают обстановку, в которой легче учиться актерскому мастерству.

В учебной комнате — стулья полукругом. На них — студийцы, тетрадки на косяках.

— Вы посмотрите на свое помещение, — возмущенно выговаривает Корогодский. — Разве

здесь можно воспитывать остроту чувства?

Комната или комната, только чуть душноаво. Но студийдиректурскурники уже понесли режиссеру. Они начали находить уют...

— Первая чутка новой пьесы. — сказал режиссер, — самый большой праздник для актера. Сегодня вы к нему морально не готовы. Встречу с Гарсия Лорной пока отменяю. Продолжайте заниматься.

Снова зал. Действие разворачивается... На сцене, попав в очередное приключение, страдает главный герой — почтарь Колбаба, и стражники в который раз хватают его за шиворот. И в который раз повторяют одну и ту же фразу...

Уже четыре часа идет репетиция. И те, кто сейчас не занят в эпизоде, с явным облегчением пристраиваются, кто куда. Как художники, выписывая деталь картины, как писатели, бьющиеся над фразой, как фаршар, наконец, над сложным изделем, шафуют без конца актеры крохотный проход по сцене. Ни в одной из своих реплик не упоминает режиссер ни о вдохновении, ни о творческом подъеме — идет тяжелая работа.

Сцена сейчас, как муравейник. Вытаццовывает рожа — актеры с

деревьями в руках, выглядывает из-под паркета сцены осветитель, проверяя, куда ли падает патно прожектора. Механик сцены выбегает из-за кулис, машет рукой: надо спустить подижи. Бутафоры наготове — в нужный момент у актеров в руках появятся вещи, без которых спектакль мерта. И музыка звучит точно на реплики.

— Нет, какая машина, какая машина запущена. — шепчет Зиновий Яновлеви, и немедленно для себя в микрофон, на весь зал: «Мокрый я умею вешь».

На сцене понимающе смеются.

В три часа кончается репетиция. Подводятся итоги, напоминается о скорой премьере. И режиссера уже тинют на худсовет: сегодня слушают молодого актера, который хочет работать в ТЮЗе.

Когда мы в полпятого добрались, наконец, до кабинета главного режиссера, там уже было полно народа. Корогодский склонился над листком бумаги. Это рукописный пока вариант репертуара театра на ноябрь. Права графа его пуста. Но вот запоняются строчки: дни труппы (учеба актеров), клуб любителей искусства, открытое родительское собрание, творческие встре-

чи... Театр ведет огромную общественную работу.

Через три часа в тесных проходах за сценой Ленинградского концертного зала актеры и слышат и не слышат, что рассказывает зрителям об их творчестве режиссер. Стулья нет, но за кулисами все-таки беготня: сегодня «читруется» множество спектаклей. Двое девочек забились в уголоч, шепчутся о чем-то. Через минуту они уходят на сцену, к зрителям, и возвращаются заревавшие, с потемками от зрима на лице: так надо по пьесе.

И свобод — смех зала в ответ на сцену из «Свои люди — сочтемся», и следом — аплодисменты на дует А. Хочинского и В. Федорова. И напряженной молчание, когда Корогодский говорит об ответственности взрослых за судьбы детей...

В двенадцать часов ночи, не дожидаясь, когда актеры разгрямируются, уломат режислит — закончат все необходимые дела, я выхожу на Неву. Ноги уже не держат. Обрывки восторженных разговоров последних зрителей накладываются на усталость, на воспоминания о каплях пота на лбах актеров, случайной фразе де-вушки из хора, которая из-за концерта не смогла встретить маму на вокзале, на слова главного:

— Репетиция завтра в девять.

Н. ЛИНКО

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ПРАВДА
5, ЛЕНИНГРАД

18 НОЯ 1973